

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Л.С. ВАСИЛЬЕВ

Мировая деревня и мировой город

Опираясь на свою концепцию власти-собственности, автор анализирует такие категории, как мировой город и мировая деревня. Он рассматривает их в глобальном масштабе, показывает проблемы и противоречия, связанные с попытками стран догоняющего развития освоить достижения развитой части мира.

Ключевые слова: мировой город, мировая деревня, мировой рынок, власть-собственность, модернизация.

Leaning against the concept of the power-property, the author analyzes such categories, as world city and world village. It considers them on a global scale, shows problems and the contradictions connected with attempts of the countries of catching up development to master achievement of the developed part of the world.

Keywords: a world city, world village, the world market, the power-property, modernization.

Оба термина, насколько известно, были наиболее употребительными в Китае времен Мао (*мировая деревня окружает мировой город; ветер с востока одолевает ветер с запада*). Тогда это были пропагандистские лозунги, и ничего более серьезного за ними не виделось. Сегодня, всего около полувека спустя, обстановка совершенно другая. В самом Китае, насколько можно представить, с ужасом воспринимают убийственную разницу между половиной страны, превращенной в нечто вроде мирового города, и той, что все еще остается мировой деревней. С ужасом, потому что не только легкого, но вообще какого-либо решения этой мрачно нависающей над гигантской страной проблемы там, скорее всего, не видят. В Индии (не менее многонаселенной стране) происходит нечто подобное, хотя и на совершенно иной основе, по-другому представленной в виде массы низкокастового деревенского населения, противостоящего много более благополучному городу. Перед нами суровая реальность XXI в. Можно было бы вспомнить и о Тропической Африке, где ситуация в этом плане еще более сложна, так как мировой город в ней не то чтобы вовсе не представлен, но по многим параметрам крайне слаб и помочь невероятно бурно разрастающейся негритянской деревне вообще не в состоянии.

Не будучи демографом, я не намерен перегружать свою статью соответствующими расчетами, сделанными другими, особенно теми, кто склонны сгладить проблему и успокоить читателей с помощью графиков и формул. Моя цель сводится к тому, чтобы обратить внимание читателей на невероятно ускоряющуюся динамику перемен в мире так называемых *развивающихся* стран. Но, поскольку эти перемены происхо-

дят на нашей планете и на наших глазах, вовсе обойтись без уже бесспорных данных, имеющих отношение к прошлому (речь не о прогнозах, которые мало чего стоят), не удастся.

Для начала о самом главном. Лишь за один XX в. население Земли возросло с 1,6 до 6,4 млрд, то есть, несмотря на мировые и прочие войны и на многомиллионные жертвы репрессий в тоталитарных странах, возросло вчетверо. И (что самое важное и имеет самое прямое отношение к теме) возросло **исключительно за счет все той же мировой деревни**, то есть наиболее бедных и отставших в развитии стран и народов, а внутри этих стран и народов – за счет наиболее отсталых слоев и провинциальных захолустий (впрочем, и городских трущоб, ибо они не входят в понятие **мировой город** в том смысле, в каком его использовали в маоистском Китае и о котором сейчас более обстоятельно будет идти речь). Так что же такое **мировой город** и в чем его принципиальное отличие от **мировой деревни**?

Истории человечества и тем более урбанистической его цивилизации известны **две** основные и очень разные по основным параметрам **структуры с соответствующими им типами общества** (подробнее см. [Васильев, 2011]). Первая и наиболее примитивная, но обладающая в силу своей внутренней прочности немалой жизнестойкостью, это структура власти-собственности и соответствующий ей восточный тип общества. Здесь власть первична, а социум полностью ей подвластен, являя собой безликий коллектив подданных. В рамках этой пассивной, хотя порой воинственной структуры, озабоченной сохранением консервативной стабильности и решительно не приемлющей богатеющих собственников, осознанно лишенных каких-либо прав и гарантий и потому как бы оскопленных властью, существуют города. Но горожане в них – не граждане. Напротив, все население городов практически ничем, кроме уровня зажиточности, от деревенского не отличается, сливаясь с ним не только в массе безликих подданных, но и в рамках того, что мы условно именуем **мировой деревней**. **Той самой, о которой говорил, имея в виду весь Китай, Мао.**

Теперь о городе. Конечно, в строгом смысле слова город – большое поселение с немалым количеством несельскохозяйственного в своей основе населения и общественных зданий, предназначенных для размещения тех, кто призваны управлять обществом, вышедшим за пределы первобытности. Но с точки зрения проблемы, указанной в заголовке статьи, сущность города как чего-то противоположного деревне не сводится к этому. Главное не в том, кто где живет и чем занимается, а в том, являются жители *подданными* или *гражданами*; что первично – власть или гражданское общество со свойственными ему правами и свободами, с демократическими выборами сменяемой администрации, подотчетной избирателям. Появилось же гражданское общество в древнегреческой Античности в результате социополитической мутации, обретя облик полисов. Затем оно развилось в Риме, сохранившись в империи и – после ее крушения – в раннефеодальной Западной Европе, где потомки римских колонистов создавали города по античной модели (никакой другой завоевавшие Европу варвары, жившие в условиях полупервобытного протофеодализма, не знали). Впоследствии именно эти города пронесли античные традиции через века и тем заложили основу предбуржуазного города, наиболее полно воплощенного в североитальянской Ломбардии, этой знаменитой городской агломерации с такими городскими центрами, как Флоренция, Венеция, Генуя, Болонья, Милан, Падуа и некоторые другие, а также в северогерманском союзе городов Ганзе.

Это и стало началом **мирового города**, отличием которого было уже не преимущественно несельскохозяйственное его население, а **заимствованное у Античности городское самоуправление с соблюдением необходимых прав, свобод и демократических процедур**, свойственных не подданным, но гражданам. Как легко понять: **мировая деревня** присуща Востоку и обществу восточного типа, тогда как **мировой город** как феномен – порождение антично-предбуржуазного Запада (стоит напомнить, что французское слово *буржуа* производно от *bourg*, город) и общества западного

типа. И теперь, уточнив смысл обоих основных терминов, обратимся к более углубленной оценке их различий и, что наиболее важно, к оценке смысла противостояния, которое было введено в активную современную политическую публицистику маоистской пропагандой.

Мировой город в процессе модернизации

Город в том смысле, о котором идет речь, всегда был тесно связан с *модернизацией* как комплексным процессом идейно-институциональных новаций, создающих условия для ускоренной и целенаправленной эволюции, и производных от них индустриально-инфраструктурных достижений. Эту неразрывную связь с безусловным приоритетом институтов, открывавших дорогу технико-технологическим изобретениям и усовершенствованиям, очень важно всегда иметь в виду. Речь не о том, что фундаментальные открытия, изобретения и важные усовершенствования не свершались до и вне Античности. Они бывали и делали свое важное дело на протяжении всей истории человечества, да и в процессе его формирования. Имеется в виду нечто другое. Только с Античности, когда феномен мирового города, древнегреческий полис, обрел свой принципиально новый облик и открыл простор для энергично востребованной освобожденным от авторитаризма обществом творческой деятельности целеустремленных специалистов, *постоянно занятых проблемой технико-технологического развития в сфере производства*¹, началось то, что ныне привычно именуется модернизацией.

Модернизация в этом смысле – порождение мирового города антично-предбуржуазного типа, что хорошо видно на примере разных механизмов эллинистической египетской Александрии и тем более строительного искусства греков и римлян (храмы, колоннады, акведуки, мощеные дороги и т.п.). Взлет ее виден в городах Ломбардии, особенно в эпоху Ренессанса, вершиной которого следует считать гениальные технические поиски Леонардо да Винчи, стремившегося создать самые разные механизмы и машины, вплоть до подводной лодки и летательного аппарата. И важно вовсе не то, сумел Леонардо или кто-то из его современников и последователей создать все, над чем тогда работала техническая мысль. Важно, что она постоянно работала, была востребована и благодаря этому достигались впечатляющие результаты в разных сферах формировавшейся в ту пору преднауки, начиная с необходимых Западу достижений в кораблестроении и создании морских навигационных приборов, книгопечатании и картографии, в изготовлении огнестрельного оружия, да и во многих других отраслях производства.

Не приходится говорить, что по мере формирования более благоприятных условий для развития предбуржуазного и буржуазного производства, многое менялось в лучшую сторону. Ренессанс стал результатом возрождения внимания к нормам и традициям Античности, церковная Реформация и идеи протестантизма, пересмотревшего генеральные принципы взаимоотношений Человека с Богом, дали толчок процессу формирования капитализма, что стало приносить Западу многократную отдачу. А все это нашло наиболее яркое и значимое проявление в ходе Великих географических открытий и связанного с ними процесса колонизации обширного, до того практически не известного европейцам мира вне Запада.

Все эти новации, постепенно превращавшие феодальные государства Западной Европы с вкрапленными в них городами антично-предбуржуазного типа в весьма динамичные и открытые для постоянных и интенсивных перемен новые рыночно-частнособственнические структуры с обществами западного типа, были проявлением

¹ Конечно, многое из технических новаций появлялось и в некоторых обществах восточного типа, в частности в славившемся своими изобретениями Китае. Но здесь важно подчеркнуть две особенности антично-предбуржуазной модернизации. Помимо условий, созданных идейно-институциональными новациями, что было основой, фундаментом процесса, это *целеустремленность* и *постоянство*, которые способствовали появлению кумулятивного эффекта, очень важного для успешного процесса модернизации.

вселенского закона эволюции. Суть его в том, что без эволюционных перемен застойно-пассивные структуры Востока и свойственные им общества восточного типа со склонностью к статике и консервативной стабильности оказывались в состоянии, близком к энтропии. А раз так, то совершенно естественно, что Природа содействовала мутации, приведшей к феномену Античности и к модернизации. Иными словами, выход европейского антично-предбуржуазного Запада на авансцену истории был предопределен ходом эволюционного развития человеческого общества.

Трудно судить о законах, движущих историческим процессом. Попытка марксистов навязать человечеству свое видение этой проблемы, обошедшая в сотни миллионов жизней, оказалась в конечном счете дискредитированной. Но это не означает, что развития и закономерностей, обуславливающих его, вовсе нет. Они есть, и потому важно принять во внимание, что стимулированное мутацией рождение Античности с ее принципиально новыми параметрами существования общества – общества свободного, демократического, гражданского, общества западного типа, – способствовало не просто возникновению того, что здесь названо мировым городом, но и свойственному именно ему, городу, стремление к активной, постоянной и динамичной модернизации. Это стало энергично способствовать эволюции и избавило человечество от угрозы энтропии. И данная неразрывная связь между мировым городом, обществом западного типа, модернизацией и динамичной эволюцией столь же понятна и значима, как и связь между мировой деревней, обществом восточного типа, статичной стабильностью, ведущей к стагнации, и угрозой энтропии.

Перед нами две несходные, противостоящие одна другой модели существования. Одна из них, более древняя, обязана существованием примитиву первобытности, плавно перетекавшему в структуру власти-собственности с безусловным приоритетом авторитарной власти стоящего над подданными правителя. Другая символизирует столь же безусловное господство правовой нормы и свободного волеизъявления граждан. Иначе, перед нами все те же мировая деревня и мировой город. И как выявляется, только одна из этих двух форм существования общества способна к энергичной и результативной модернизации, к динамичной и успешной эволюции. Другая, если ей ничего не противопоставить, может привести лишь к гибели человечества. Но как реально выглядело в прошлом это противопоставление, соперничество и/или соревнование? И к чему оно вело, ведет и может привести? Вопросы очень не простые. Но попытаемся в них разобраться.

Трансформация мировой деревни

Встанем на мгновение на позицию этой самой деревни. Не ее вина, что она возникла раньше и, понятно, на фундаменте примитивной первобытности. Альтернативы тогда просто не было, так что ее появление в рамках сперва городов-государств в речных долинах, а затем крупных и вполне развитых восточных государств, вплоть до огромных империй с их авторитаризмом, а то и деспотизмом, было вполне закономерно, более того, стало неким успехом в процессе эволюции. А жесткость неконтролируемой власти и бесправие подданных логично вписывались в систему давно сложившихся отношений, предполагавших право верховного перераспределения достояния коллектива (редистрибуции) правителем с его аппаратом администрации.

Но если так, откуда взяться не зависимой от власти частной собственности? А коль скоро она в силу объективной необходимости, особенно в больших государствах с многочисленным населением все же возникала, какие у нее права на непокорность власти? В таких условиях перед нами предстает скованная бесправием и тем самым оскопленная властью частная собственность, которая в состоянии обогатить собственника, но не может превратить его доход в капитал.

Понятно, что в рамках таких структуры и общества восточного типа нет места ни античного типа гражданам, ни тем более прото- или предбуржуа, ни, вполне естественно, стремления к модернизации и к успешной эволюции. Зато рядом с такими

государствами существуют немало активных кочевников, всегда готовых пограбить сравнительно зажиточно живущих – по сравнению с ними – земледельцев. Войны с ними и между собой – нормальное состояние восточных обществ, той самой мировой деревни, которая была далека от безмятежного существования. Неудивителен и результат. Следуя вполне естественному в такой ситуации принципу *не до жиру, быть бы живу*, она, эта деревня, не процветает, скорее едва поддерживает свое существование на скудной норме, а не вымирает потому, что, подчиняясь инстинкту, энергично воспроизводится. Этот инстинктивный стандарт воспроизводства – залог ее выживания, что всегда стоит иметь в виду.

Ситуация изменяется, если деревня входит в соприкосновение с античным городом (но и то далеко не всегда и тем более не сразу). На первых порах (эпоха ближневосточного эллинизма, с IV в. до н.э.) сосуществование завершается неудачно для немногих городов античного типа, возникших там после завоеваний Александра Македонского. Позже, когда под ударами варваров пала Западная Римская империя, соревнование продолжилось уже между потомками этих варваров, кочевниками и полукочевниками, создавшими варварские королевства феодального типа, бывшие полупервобытной модификацией структуры власти-собственности, и горожанами городов античного типа. И в этой форме оно обрело более благоприятные возможности для успехов мирового города. При всей его сложности это сосуществование имело то преимущество, что, в отличие от ситуации на эллинистическом Ближнем Востоке, варвары Западной Европы – не чета ближневосточному населению развитых и цивилизованных государств. В итоге западноевропейские феодальные королевства понемногу сближались с параллельно с ними существовавшими государственными образованиями, в основе которых лежали города античного типа, особенно в Ломбардии.

Это сближение было в пользу городов, которые вначале опирались на поддержку королей, заинтересованных в ослаблении своих могущественных вассалов, а позже, когда королевская власть окрепла, а феодалы ослабли, охотно шли на союзы с феодалами, ограничивая специальными договорами возможности их вмешательства в городское самоуправление. Западная Европа, таким образом, успешно шла по пути укрепления позиций мирового города, усилия которого в процессе модернизации создавали благоприятные условия и для эволюции феодальных государств, в которых многие из этих городов с их твердо фиксированными правовыми привилегиями (Любекское право в Ганзе, Магдебургское право) чувствовали себя уже достаточно уверенно.

Параллельно с укреплением городов шло некоторое ослабление всевластия феодалов в западноевропейской деревне. Хотя деревню городские вольности почти не затрагивали, она не оставалась вовсе к ним безучастной. А по мере процесса дефеодализации в государствах Западной Европы (пусть не всех сразу) этот процесс вел к тому, что по меньшей мере с XIV столетия (начало эпохи Ренессанса) европейская деревня переставала быть олицетворением мировой. Это с особой силой выявилось в начале XVI в., когда идеи церковной Реформации затронули большую часть западноевропейского крестьянства, а город стал олицетворением Запада в противовес всему миру вне Запада. И теперь самое время возвратиться к этому миру, ставшему символом мировой деревни.

Восток в XV–XVI вв. мало чем отличался от более ранних эпох. Конечно, он вовсе не стоял на месте. Одни государства гибли, другие приходили им на смену, кочевники свирепо расправлялись с завоеванными странами и народами, процветало рабство захваченных в плен. Все как обычно. Важно, что даже некоторые успехи в развитии культуры, чего нельзя не видеть, не слишком влияли на положение вещей. Ничего похожего на Ренессанс вне Западной Европы на Востоке никогда не было, причем именно потому, что не было Античности, традиции которой сохраняли и возрождали на Западе. Даже Восточная Римская империя, Византия, которая восходила к древнегреческой и римской Античности, эту отличительную и благотворную особенность

утеряла в процессе ее ориентализации. Это, как известно, косвенно сказалось и на судьбах Руси, получившей от Византии православие, которое не сохранило воспоминаний о какой-либо близости к традициям Античности. А весь Ближний Восток, включая провинции Византии типа Египта, стал исламским. Разве что грузины и армяне не все утратили из антично-христианской традиции. Но им, небольшим народам, окруженным исламским Востоком, приходилось нелегко. А столкновения мусульман с христианами, будь то Крестовые походы или испанская Реконкиста, лишь подчеркивали значимость религиозно-цивилизационного несходства между этими двумя в какой-то мере родственными монотеистическими доктринами. Словом, вплоть до Великих географических открытий и начала колонизации каких-либо активно-позитивных контактов между западноевропейским городом и восточной мировой деревней практически почти не существовало (кроме войн и не очень большой транзитной торговли).

Все изменилось на рубеже XV–XVI вв. Началось, как известно, с открытия Х. Колумбом Нового Света, за которым последовали экспедиции Э. Кортеса и Ф. Писарро. Главное, что сумели продемонстрировать конкистадоры, – жестокость, наглость и коварство, умноженные на жадность и стремление захватить как можно больше золота. Едва ли стоит в деталях рассказывать о том, с какой необъяснимой легкостью испанцы овладели американской частью мировой деревни, одной из наиболее дальних и отсталых. Но важно, что начало интенсивному преобразованию этой деревни было положено именно здесь и что отсюда испанцы почти целый век привозили кораблীগалеоны с золотом и серебром, что привело в Европе к обесцениванию этих металлов, к **революции цен**.

Параллельно с испанцами португальцы искали путь в загадочную и наполненную манящими восточными пряностями далекую Индию, для чего они долго осваивали путь вокруг Африки, что сопровождалось созданием многочисленных факторий и началом торговли с африканцами – золотом, слоновой костью и рабами. Открытие пути в Индию привело к освоению многочисленных островов и архипелагов южных морей рядом с Индией, где и выращивали желанные и высоко ценящиеся европейцами пряности. С этого и началась колонизация Востока, которая вначале ограничивалась торговыми связями. За пряности европейцы платили в основном тем самым серебром, цена на которое была в то время из-за революции цен весьма невысокой. Но вместе с тем они осваивали колонии, которые в виде форпостов служили многочисленными базами в Африке и в Азии, а в Америке охватили всю южную часть континента. И хотя эти колонии – не считая Латинской Америки – территориально тогда были сравнительно незначительными, с них берет начало исторически решающий процесс освоения Западом мировой деревни.

Преобразование мировой деревни со свойственными ей обществами восточного типа **сводилось** – в отличие от антично-предбуржуазных обществ западного типа с их стремлением к модернизации – к **вестернизации** и с самого начала контактов **было комплексом сопротивления и вынужденного приспособления**. Это вполне понятно и само собой разумеется, так как общества без своей буржуазии не способны к модернизации и вынуждены – с помощью и под нажимом колонизаторов – заимствовать ее готовые плоды, что и имеется в виду под термином **вестернизация**. С самого начала надлежит заметить, что вестернизация пришла в мировую деревню сравнительно поздно, на втором, уже политическом и даже индустриально-инфраструктурном этапе колониализма (в основном, кроме разве что все той же Латинской Америки, в XVIII–XIX вв., а в Тропическую Африку еще позже, в конце XIX в.). И хотя этот процесс начинался несколько раньше, еще в эпоху торгового колониализма с его форпостами, фактически дело обстояло именно так. Проявлялся же процесс, постоянно наталкивающийся на сопротивление местного населения, в том, что развивавшийся в Западной Европе капитализм был заинтересован в ресурсах Востока и в использовании населения мировой деревни в качестве рынка сбыта для бурно развивавшейся промышленности.

Мировая деревня как мировой рынок

Но рынок нужно было создать, превратив его в *платежеспособный*. Восток, мировая деревня, был нужен мировому городу, капиталистическому Западу, и как продавец, и как покупатель. Именно ради этого пришедшие на смену сравнительно отсталым и неразвитым в промышленно-капиталистическом отношении Испании и Португалии очень быстро развивавшиеся буржуазные конституционные монархии – Голландия и Англия – повели другую политику. Суть ее – в отличие от испано-португальской, где всеми колониальными проблемами занимались в основном государства, что не способствовало темпам эволюции, – не сводилась к стремлению прочно осесть на землях, с которыми до того велась лишь торговля: предпринимались усилия по включению этих колонизованных территорий и населявших их народов в мировой рынок. Понятно, что такой рынок мог бы успешно развиваться только в его частно-капиталистической форме, тогда как от правительств, во всяком случае на первых порах, требовалась лишь активная помощь преуспевающим буржуа.

Быстро растущий голландский, а затем и английский океанский торговый флот уже на рубеже XVII–XVIII вв. с лихвой заменил испано-португальский. Нидерландская и Британская ост-индские компании, созданные задолго до того, еще в начале XVII в., с успехом осваивали новые колонии, вели там свою политику, включая захватнические войны, в ходе которых в конечном счете более всего преуспела Англия с ее парламентом и наиболее близкой к Античности системой прав, свобод и гражданского общества. Английские колонии были в некотором смысле образцом. В них, начиная с Индии, уже во второй половине XIX в. наилучшим образом реализовывалась полноценная вестернизация. Но одновременно следует сразу же заметить, что параллельно с ней шел и другой, не слишком заметный, но очень важный и вначале долго недооценивавшийся специалистами процесс, – связь вызревания мирового рынка с темпами воспроизводства населения.

В мире немало предрассудков и нелепостей. Многие в странах вне Запада, да подчас и на самом Западе, привычно клянут колониализм, клеймя его за бесцеремонность, с какой он вторгался в чужие земли, за работоторговлю и за многое другое, в том числе за политику, вынуждавшую местное население чуть ли не силой приспособляться к чуждому ему образу существования. Нет слов, колониализм заслуживает и критики, и негативных эмоций. Но стоит заметить, что с тех пор, как колонизаторы вышли на мировую политическую сцену, в мире вне Запада заметно поубавилось набегов кочевников и тех войн, которые сопровождалась гибелью государств и народов. Нельзя сказать, что в этом отношении настало полное успокоение, но положительный эффект был налицо. Надо учитывать, что колонизаторы обычно платили за труд (хотя и не гнушались использованием труда рабов) и что они, осваиваясь в чужих для них странах с непривычными для европейцев природно-климатическими условиями, несли с собой многое из достижений буржуазного Запада. Это стало особенно заметным, когда буржуазная эволюция и вершина ее, возникновение США и революция во Франции с завершившимися ее наполеоновскими войнами, стали активно и решительно преобразовывать Запад.

Капиталистический Запад уже в XIX столетии и особенно во второй его половине проявил всю свою богатырскую мощь в деле вестернизации мира вне Запада. И весь этот мир стал энергично преобразовываться. Железные дороги и телеграф сократили расстояния и резко улучшили пути сообщения и средства связи. Повсюду возникли современные города, портовые и железнодорожные узлы. Начата разработка ресурсов, усовершенствовалось плантационное хозяйство. И это превратило колонии в составную часть вестернизованного мирового рынка, что объективно способствовало не только развитию, но и выживанию местного населения. Дело в том, что сближение колоний с метрополиями, наличие в них немалого числа европейцев, причем не только и даже не столько колонизаторов, сколько простых колонистов, влияло на серьезные перемены в урвне и стандарте жизни местного населения.

Если оставить пока в стороне Тропическую Африку, колонизация которой началась лишь в конце XIX в., стоит специально подчеркнуть, что мир, включая все колонии, в то время, которое следует считать периодом бесспорного триумфа буржуазии, подвергся наиболее заметным и существенным переменам. И едва ли не самой заметной из них (если иметь в виду перспективу развития) была та, что буржуазный Запад вместе с многосторонней вестернизацией нес с собой высокий уровень современной медицины, санитарии и гигиены. И хотя далеко не вся трансформировавшаяся мировая деревня, понемногу терявшая облик общества восточного типа и превращавшаяся в общество смешанного типа, широко пользовалась появлявшимися там достижениями, следует прямо сказать, что все это вело к заметному и все ускорявшемуся повышению стандарта привычного воспроизводства населения. Люди жили лучше и дольше, что сразу же и проявилось.

Рождалось по-прежнему столько же, сколько диктовалось привычной складывавшейся на протяжении тысячелетий нормой (этот жизненно важный стандарт, обусловленный инстинктом выживания, быстро не меняется, что стоит хорошо запомнить), но умирало – особенно детей – меньше. Считается, что в середине XVII в. на планете жило около 500 млн человек (до того *период удвоения* количества населения *был равен* приблизительно 15 векам). Но к середине XIX в., уже всего через 200 лет, число людей *удвоилось*, а к концу того же века оно стало равным 1,6 млрд, то есть **за полвека выросло более чем в полтора раза**. И при этом на долю мира вне Запада на рубеже XX столетия приходилось примерно 60–65% населения планеты. Но это еще далеко не все. Довольно легко выяснилось (уже в XX в.), что самый значительный прирост наблюдается в наиболее отсталых общностях (если только не вести речь об эстремалах-маргиналах типа австралийских аборигенов или приполярных чукчей), и эти общности обычно наполовину были представлены детьми и молодежью примерно до 20 лет. А когда встал вопрос, почему это так и как обстоит дело с содержанием столь быстро растущего сообщества, выяснилось, что дела обстоят очень плохо.

Практически такие общности уже около столетия назад часто просто не в состоянии прокормить себя. Это было еще не так страшно, пока количество подобных общностей оставалось не слишком велико. Богатый Запад, чувствуя свою косвенную вину за то, что его вмешательство сыграло свою роль в изменении стандарта воспроизводства, взял на себя вначале задачу помогать отставшим в развитии и голодающим. Вначале эта задача была ему вполне по силам, но с течением времени решать ее становилось все сложнее.

Запад и Восток в XX веке

XX столетие было драматично. Две мировые войны и вызванный ими к жизни феномен тоталитарных режимов стали реакцией всего вестернизованного мира на триумф буржуазии. Она была не случайной и тем более не неожиданной. Хотя предсказания К. Маркса о судьбах буржуазии и коммунизме не сбылись, его доктрина, будучи переинтерпретированной, подошла для того, чтобы поднять мировую деревню против мирового города. Начали все большевики в России, которая, несмотря на начавшийся в ней на рубеже XIX–XX вв. быстрый промышленный рост, оставалась еще именно мировой деревней, но при этом уже разбуженной, заметно расшевеленной и потому готовой поддаться на искусно построенную пропаганду, особенно в условиях кризиса, проявившегося на исходе Первой мировой войны. Большевики оказались умелой и хорошо организованной группой заговорщиков, первой в истории человечества партией *нового типа*, сила которой выявлялась не столько в условиях отрывной политической партийной борьбы, сколько в заговорах, мятежах и военных переворотах (подробнее см. [Васильев, 2010]).

Стоит заметить, что фашизм Б. Муссолини вышел из недр итальянской социалистической партии и явно не был чужд той же партийной практике, а нацизм А. Гитлера отличался от марксистского социализма разве что тем, что отождествлял ненавистных

ему буржуа с евреями, в которых видел прежде всего, хотя и не только, тех же буржуа. Это важно иметь в виду, когда идет речь о тоталитарных режимах, которые будто бы отстаивали интересы трудящихся, насколько они их понимали. И хотя, в отличие от большевизма, итальянский фашизм и немецкий нацизм не орудовали в пределах мировой деревни, а восточная эта деревня, начиная с Китая, переинтерпретировала именно марксизм в большевистской модификации, родство здесь несомненно. Существенно и то, что Германия и Италия с замедленным их развитием не могут даже применительно к первой половине XIX в. (когда их как политических организмов еще не было) приравниваться к буржуазно-демократическим Англии, Франции и тем более США.

Тоталитарные режимы, мировые войны и перемены в вестернизованных и готовых к политической самостоятельности колониях в середине XX в. привели мир к глобальным геополитическим сдвигам. Взаимоотношения между мировой деревней и мировым городом начали радикально меняться. Политически бывшие колонии, деколонизовавшись, были приравнены к метрополиям, что нашло отражение в их статусе в рамках ООН. Но сразу же сказалось неравенство во всем остальном. Мир буржуазно-демократического Запада, несколько увеличившийся за счет продолжавших вестернизоваться и развиваться стран типа Японии, резко рванул вперед, чего не смог добиться противостоявший ему блок коммунистических стран во главе с СССР. И на фоне связанного с этим соревнования, считавшегося *холодной войной*, вся мировая деревня временно как-то потускнела. На ее долю выпадала лишь возможность примыкать или не примыкать к одному из враждующих блоков. Но через несколько десятилетий выявилась очевидная нежизнеспособность коммунистического блока, который в 1980-х гг. распался, а на авансцену политической жизни вышла мировая деревня, приобретшая за это время весьма отличный от прежнего облик.

Смысл перемен состоял в том, что время колониализма и тоталитаризма ушло в прошлое. А придавленные были народы с религиозно-цивилизационными их предпочтениями обрели не только политическую самостоятельность, но и немалую финансово-экономическую основу прежде всего в виде потока нефтедолларов (хотя и не только его), что позволило им весомо подкрепить независимость в политике. Оставляя в стороне возрождение таких гигантов, как Китай и Индия, каждый из которых действует по-своему, но весьма успешно, обращу преимущественное внимание на те страны и народы, которые не развиваются столь динамично, но зато становятся все более серьезной проблемой для человечества. Это прежде всего страны ислама и беднейшие народы, сконцентрированные в основном в Тропической Африке, в значительной своей части тоже исламизованные. Именно они – хотя частично это и некоторые страны и слои населения в Латинской Америке – стали ныне основным объектом забот и главной проблемой человечества, если иметь в виду его близкое будущее.

Мировая деревня и мировой город сегодня и завтра

В мировой деревне не просто резко ускоряется воспроизводство населения и постоянно возрастает его численность². Много хуже то, что этот рост не адекватен увеличению там производства, не говоря уже о производительности труда. Практически, сказанное означает, что десятилетие за десятилетием в самых бедных и отсталых странах и наиболее обездоленных слоях населения в странах не слишком бедных и отсталых стандарт существования, реальный уровень жизни становится хуже. Бедность и тем более голод и нищета – если только не иметь в виду чрезвычайные обстоятельства – всегда были спутниками экономической отсталости и невысокого уровня развития, обычно близкого к примитивной первобытности. И пора отрешиться от привычного представления, если оно еще у кого-либо сохранилось, что такого рода стран,

² За XX в. население планеты, напомним, учетверилось, а если принять во внимание, что за это же время население стран Запада почти не возросло, то трудно удержаться от напоминания о том, что применительно к самым отсталым слоям населения это было не учетверение, а гораздо большее увеличение.

отсталых в современном мире, немного и что они будто бы, развиваясь, энергично догоняют тех, от кого поотстали.

Все совсем не так, скорее наоборот. Коль скоро прирост населения идет со скоростью 90–80 млн человек в год, пусть даже сокращаясь понемногу до 70–80 млн, и если львиная его доля приходится на бедные и отставшие в развитии страны, то судите сами, откуда и за счет чего брать ежегодно всевозрастающие, причем достаточно резко, десятки миллиардов долларов, чтобы прокормить эти новые голодные рты, причем именно там, в тех самых местах, где и прежде это делалось с большим трудом. Только богатый Запад может, учитывая сложившуюся ситуацию, взять на себя эту тяжелую ношу, что он и делает.

Почему? Ответ довольно прост. Во-первых, он вынужден помогать, ибо только он и может себе это позволить. Во-вторых, Запад сознает, что именно его вмешательство в спокойное застойное и не очень зажиточное существование мира вне Запада – причина столь бурного прироста населения этого мира, в том числе беднейшей и наиболее обездоленной его части. Наконец, в-третьих, он понимает, что если не сделает этого, его дни окажутся сочтены. И мировой город в итоге не имеет выбора. Его удел – взять на содержание беднейшую и к тому же наиболее легко возбудимую, быстрее всех численно возрастающую часть человечества. Справится ли он? И надолго ли хватит его решимости? И самое главное, что скажет та же беднейшая и обездоленная часть, когда ее постоянно возрастающая численность окажется слишком велика для того, чтобы довольствоваться тем, что богатый Запад сможет ей дать? Ответа у меня нет. Но кое-что в порядке гипотезы могу предложить.

Мир нищеты угрожающе растет, причем отнюдь не по своей воле и не с целью досадить Западу, хотя кое-кто из его “доброжелателей” типа старых российских большевиков готов подначивать и натравливать его, побуждать укусить кормящую руку. И тем не менее объективная ситуация с каждым десятилетием (а это чуть меньше миллиарда прироста, подавляющее большинство которого приходится на отставших в развитии, отнюдь не избалованных природными ресурсами бедных и обездоленных) угрожающе накаляется. Речь не сводится к бесплодным спорам на тему о том, как много людей в состоянии выдержать планета, которая уже стонет под невыносимой тяжестью (имеется в виду все то, что давит на нее в виде столь ускоренно растущего числа людей, а также вся та антропо-техногенная нагрузка, тот экологический разбой, которые бесцеремонно ложатся на нее). Речь не о том, что реакцией на эту невыносимую нагрузку следует считать природно-климатические аномалии, ощущаемые нами все чаще. И дело даже не в том, что все происходящее, конечно же, не может не беспокоить вселенский закон эволюции, коль скоро он все же (во всяком случае, по моим представлениям) существует и постоянно действует. Ведь в таком случае действующий от его имени закон гармоничного баланса вполне может вступить за природу и активно способствовать уменьшению этой нагрузки, в том числе самым трагично-драматическим образом³. Это все – весьма вероятные реальности, с которыми нельзя не считаться. Но сейчас я имею в виду другое: то, на что стоило бы обратить наибольшее внимание, сводится к позиции современного большинства человечества, мировой деревни, о котором идет речь в статье.

Смысл ее очевиден: “Да, мы, бедные и отставшие, не можем угнаться за развитыми странами с их динамичной экономикой и высокоразвитой техникой и технологией, с их бросающимся в глаза процветанием, и, что еще более существенно, никогда не сможем. Но нужен ли нам, едва сводящим концы с концами, такой прогресс? Стоит ли за ним гнаться? Может быть, для нас, обездоленных судьбой, правильнее выбрать иной путь развития, в центре которого стояли бы какие-то другие веками накопленные

³ Суть вселенского закона, детально изложенная в ряде моих работ, пока еще, к сожалению, не успевших выйти из печати, сводится к импульсам, действующим в виде серии последовательных вызовов, на которые все сущее, а на Земле – все живое, включая человека, призваны дать адекватный ответ. Степень адекватности этих ответов учитывается законом баланса, призванного соблюдать необходимое для нормального существования равновесие.

ценности? Словом, мы хотели бы остаться такими, какие есть, быть теми, кем всегда были. И, как хорошо известно, в мире существует такая религия, такой образ жизни, которые энергично отстаивают право весомого большинства человечества жить именно так. Эта религия, опираясь на энергию ее адептов и ссылаясь на то, что именно к такому образу существования призывал ее пророк еще в раннем Средневековье, ныне в лице своих наиболее ревностных и отчаянных адептов не останавливается ни перед чем в стремлении убедить людей в своей правоте. И она на глазах увеличивает количество своих сторонников. Все мы, бедные и отставшие, с достаточным пониманием относимся к такого рода устремлениям. И хотя мы, то есть нынешняя мировая деревня, придерживаемся разных религиозно-цивилизационных традиций, энергию упомянутой религии – ислама – пафос которой в основном направлен против безбожного богатого и развращенного своим богатством Запада, по меньшей мере частично даже разделяем”.

Едва ли такое положение вещей следует считать удивительным. Скорее напротив, оно закономерно. Миру не нужна стремительная эволюция, с которой большинство очевидно не справляется и к которой оно, это отставшее большинство, не стремится. И такое положение вещей едва ли кто-либо, учитывая современную динамику событий, способен решительно и быстро изменить. На планете просто не хватит для этого ресурсов. “Поэтому, – рассуждают сторонники таких идей, – мы готовы просто остаться такими, как есть. **Но с одним обязательным условием.** Условие это элементарно и должно быть всем понятно. Те, кто ушли вперед, обязаны и впредь заботиться о нас. Вы – буржуазный Запад, мировой город – виновны в том, что мы существуем на свете, что нас много и становится все больше, что мы не обеспечены всем необходимым. Поэтому позаботьтесь о нас, если не хотите неприятностей”.

И это далеко не пустые речи, не беспочвенная позиция. Дело в том, что ставка на конфронтацию мировой деревни с мировым городом – понятная и вынужденная реакция традиционных социополитических организмов на их неудачи в процессе развития. И если в мире, воспринявшем идеи гуманизма западного цивилизованного мирового города, перестали реально действовать жесткие законы эволюции, которые некогда были – правда, тогда по отношению ко всему живому, кроме людей, – сформулированы Ч. Дарвином (борьба за существование и естественный отбор), то это как раз и означает, что мир изменился. На смену жестким и неумолимым законам эволюции во имя спасения самого этого мира – для того человечеству и был дарован Разум – должны прийти другие. В частности, имеется в виду знаменитый этический постулат А. де Сент-Экзюпери “*Мы в ответе за тех, кого приручили*”. И объективно всему человечеству никуда от этого не деться, что многие на Западе осознали.

Смысл происходящего, подчеркну, в резком отказе слабых, возрастающих численно, от попыток угнаться за чужими стандартами и ориентироваться на них. Перед нами реакция отставших в развитии народов против далеко ушедшего вперед Запада, которая опирается на крайности в поисках орудия борьбы мировой деревни против богатого города. И неизвестно, когда и чем это закончится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев Л.С.* Эволюция общества. Типы общества и их трансформация. М., 2011.
Васильев Л.С. Становление политических партий и партии “нового типа” // *Общественные науки и современность.* 2010. № 2.